

Цзян Цююй с сожалением опустила руку, развернулась и направилась к трону, возвышавшемуся в глубине дворца Фуци. Усевшись в кресло, устланное густым мехом, она, в точности следуя своему амплу, вскинула подбородок и приказала:

— Притащите его ко мне.

Это было задание, на котором настаивала система.

Согласно описанию в оригинальном романе, злодейка-демоница, пленив главных героев и доставив их во дворец, с первого взгляда воспылала страстью к мужчине-герою, который, даже стоя на коленях, сохранял гордую осанку и поразительную красоту.

Проблема была в том, что сама Цзян Цююй, будучи в теле этой жестокой и кровожадной злодейки, была самой что ни на есть натуралкой!

Поэтому всё её внимание было приковано к мужчине, а на героиню она почти не смотрела. Стоило Цзян Цююй об этом подумать, как она невольно тяжело вздохнула.

Как же обидно! Ну почему она натуралка? Из-за этого она не могла открыто любоваться красавицей.

Её вздох эхом разнёсся по залу, заставив присутствующих насторожиться — каждый истолковал его по-своему. Лица Шуансюэ и Вэйцин стали ещё более напряжёнными. Решив, что госпожа недовольна их медлительностью, они бесцеремонно пнули Фу Синъи в спину:

— На колени!

Поскольку духовные силы и сознание Фу Синъи были запечатаны, он не ожидал удара и, получив его в полную силу, едва не сплюнул кровь.

Эти демонические твари, как и ожидалось, были жестоки и безжалостны!

Цзян Цююй пришла в себя и увидела, что герой, согнувшись пополам, пытается удержать равновесие, рискуя вот-вот рухнуть на пол. На его спине отчётливо отпечатались следы от сапога.

Она потёрла переносицу и с невинным видом спросила:

— Что здесь происходит?

Вэйцин поклонилась:

— Госпожа, эти двое коварны. Чтобы они не вздумали сопротивляться, я запечатала их сознание и духовную энергию.

Фу Синъи, сдерживавший кровь в горле, всё же не выдержал и выплюнул её. Даже с завязанными глазами по нижней части его лица было видно, какое потрясение он испытал.

Кто здесь коварный?! Как у этих демонов язык поворачивается такое говорить!

Но, находясь в чужих руках, приходилось склонять голову. Фу Синъи проглотил обиду, не желая спорить с демонами.

Взгляд Цзян Цююй на мгновение задержался на его окровавленных губах, и она нахмурилась, припоминая описание этого момента в романе.

Демоница, увидев, как хорош собой Фу Синъи, на мгновение сбилась с ритма сердца. На глазах у всех она поддела его подбородок кончиком пальца, а затем подушечкой большого пальца надавила на его губы...

Нет, нет и нет!

У Цзян Цююй мурашки побежали по коже. Она посмотрела на свои пальцы и поспешно спрятала руки в рукава.

Она не собиралась трогать этого вонючего мужчину! Но сюжет требовал исполнения... Что же делать?

Цзян Цююй нахмурилась, ломая голову, но вскоре её осенило: вовсе не обязательно использовать собственные руки!

Артефактом демоницы была золотая лента шириной в шесть цуней, называемая Золотой нитью. Сотканная из золотых нитей, она была невероятно гибкой и могла принимать любую форму. Почему бы не использовать её вместо руки?

Повинуясь её воле, Цзян Цююй слегка пошевелила пальцами, и из рукава выскользнула золотая лента. Подобно проворной водяной змее, она описала в воздухе круг и устремилась прямо к Фу Синъи.

Шуансюэ и Вэйцин в изумлении расширили глаза. Неужели госпожа решила прикончить его на месте? Впрочем, это было бы логично, хотя секта Минван вряд ли оставила бы это без последствий.

Лента, мягкая и гладкая, замерла рядом с Фу Синъи, затем осторожно вытянула кончик и приподняла его подбородок. Фу Синъи не видел происходящего, но ощутил, как нечто, напоминающее мягкий палец, заставляет его поднять голову. Кто, кроме самой демоницы, мог позволить себе такое?

В унижении он попытался отстраниться, но почувствовал, как что-то едва коснулось его губ. Прикосновение было мимолётным — словно ему показалось.

Фу Синъи застыл.

Цзян Цююй, наконец выполнив задание, облегчённо выдохнула и расслабилась.

Система мысленно закатила глаза, воздержавшись от комментариев. Окружающие тоже пребывали в недоумении. Шуансюэ и Вэйцин переглянулись: неужели это новый способ пытки?

На глазах у изумлённой публики золотая лента, словно ластящийся щенок, вернулась к Цзян Цююй, нежно потерлась о её кончики пальцев и растворилась в воздухе.

Вэйцин, хоть и не понимала смысла этого жеста, не решилась задавать лишних вопросов. А вот Шуансюэ сдержаться не смогла. Почесав затылок, она спросила:

— Госпожа, что это значит?

Она-то думала, что госпожа собирается задушить его этой лентой.

Цзян Цююй бросила на неё холодный взгляд и медленно произнесла:

— Ты ставишь под сомнение мои действия?

Её узкие лисьи глаза прищурились, а уголки глаз, подведённые тонким слоем румян, казались невероятно притягательными.

Шуансюэ вздрогнула и поспешно опустила голову:

— Упаси боже, госпожа!

Хотя взгляд госпожи был туманным и соблазнительным, Шуансюэ не смела поднять на неё глаз. Мощное давление, исходящее от демоницы, давило на плечи так сильно, что она едва стояла на ногах. Видимо, в последнее время госпожа была в хорошем расположении духа, раз Шуансюэ успела забыть, что хозяйка дворца — человек далеко не мягкий.

Видя, что даже Вэйцин, собиравшаяся заступиться за подругу, притихла под её взглядом, Цзян Цююй осталась довольна собой.

Система не выдержала: Ты просто не можешь объяснить свои действия, вот и запугиваешь подчинённых!

Цзян Цююй ответила с достоинством: Не забывай, образ демоницы — это высокомерие и переменчивый нрав. Разве она стала бы оправдываться перед слугами?

Характер демоницы был точь-в-точь как у современных властных боссов: крутой, жёсткий и не терпящий возражений. Она просто отыгрывала роль.

Система: Чёрт! А ведь в этом есть смысл!

Цзян Цююй больше не обращала внимания на систему и перевела взгляд на Фу Синъи, погрузившись в раздумья. После случая с Шуансюэ никто больше не смел перечить ей или даже смотреть в её сторону. Поэтому никто не заметил, что их высокомерная и жестокая госпожа не придумывает план пыток, а просто витает в облаках.

В зале воцарилась тишина.

Линь Цзинвэй, стоявшая рядом, сжала пальцы в кулак — её тело было напряжено. Она не видела, что происходит, но догадалась о многом. С того самого момента, как их схватили, она приготовилась к мучениям. Но она не ожидала, что демоница первым делом возьмётся за Фу Синъи.

Линь Цзинвэй не боялась боли, но...

Её тонкие губы дрогнули. Она сжала зубы, стараясь сдержать стон. Только что что-то мягкое коснулось её ладони, но тут же, словно скользкая рыба, выскользнуло прочь.

Линь Цзинвэй стояла неподвижно, как статуя.

Это нечто, продолжавшее дразнить её, было той самой золотой лентой.

Раз уж нельзя открыто любоваться красавицей, почему бы не потрогать её украдкой? Пусть прикосновения были случайными, но раздражение от необходимости следовать сюжету немного утихло.

Линь Цзинвэй, должно быть, догадалась, что это проделки демоницы, но молча терпела. Этот образ холодной красавицы, вынужденной терпеть осквернение, заставил Цзян Цююй задуматься: не извращенка ли она?

Возможно, она никогда раньше не видела столь ослепительной и холодной красоты. Ей хотелось не дружить, а запереть Линь Цзинвэй в клетку, как самую ценную коллекционную редкость.

Если бы это было возможно.

Цзян Цююй снова вздохнула. Её взгляд задержался на Линь Цзинвэй, и в этот момент та слегка подняла голову, встретившись с ней взглядом. Если бы не чёрная повязка, эта дуэль взглядов была бы ещё более искромётной.

Цзян Цююй невозмутимо отвела глаза и равнодушно спросила:

— Желаете остаться в моём дворце в качестве наложника?

Фу Синъи потребовалось время, чтобы понять, что вопрос адресован ему. На его лице отразилось глубокое унижение. Выпрямившись, он холодно ответил:

— У меня есть возлюбленная, я никогда не склонюсь перед тобой!

Если бы Цзян Цююй была той самой влюблённой демоницей, она бы уже пришла в ярость, но она была другой. Поэтому, даже не поменяв позы, она лишь усмехнулась, как того требовал сюжет:

— Возлюбленная? Кто же она?

Фу Синъи замолчал. Его упрямый вид вызывал лишь желание сломить его гордость. Неудивительно, что в оригинале демоница так мучила его.

Цзян Цююй продолжила читать по сценарию:

— Не она ли?

Едва она закончила фразу, как золотая лента внезапно появилась в воздухе и, окутанная убийственной аурой, бросилась к Линь Цзинвэй.

Но в последний момент, прямо у её сердца, лента замерла. Фу Синъи, забыв о гордости, бросился вперёд, закрывая собой Линь Цзинвэй.

— Не трогай её! — вскричал он, срываясь на хрип от страха.

Цзян Цююй наконец смогла открыто разглядеть Линь Цзинвэй. Она многозначительно хмыкнула:

— Вот как...

Фу Синьи встрепенулся:

— Постой! Если ты не тронешь её, я могу...

Не дав ему договорить, Цзян Цююй приказала ленте сорвать повязку с глаз Линь Цзинвэй. Перед ней предстали глаза, чистые, как горный хрусталь. Лицо Линь Цзинвэй словно было выточено из самого чистого нефрита, а в чертах сквозила холодная отстранённость и хрупкость, словно она была лотосом, расцветающим среди снегов.

Её кожа была белой и нежной, как снег, и казалось, что она может растаять под лучами солнца. Эта гроза демонического мира выглядела такой беззащитной, словно избалованная барышня из знатного дома.

Однако никто из присутствующих не смел недооценивать её — особенно Вэйцин, которая уже успела почувствовать её силу.

Цзян Цююй, подперев голову рукой, лениво рассматривала Линь Цзинвэй. Наверное, только система знала, о чём она думает.

— И впрямь хороша собой...

Она отозвала ленту и бросила Шуансюэ и Вэйцин:

— Довольно. Отведите их в мои покои.

Не дожидаясь ответа, она исчезла.

Вэйцин схватила Фу Синьи за шиворот и грубо подняла на ноги. Шуансюэ пнула его:

— То, что госпожа обратила на тебя внимание — твоя удача, а ты смеешь отказываться?

Фу Синьи едва не потерял сознание от ярости. Но Вэйцин уже тащила его прочь. Шуансюэ повернулась к Линь Цзинвэй:

— Иди!

Линь Цзинвэй опустила глаза и покорно последовала за ними. Её белые одежды развевались, оставляя тонкий холодный аромат.

Шуансюэ хмыкнула: эта девица хотя бы ведёт себя послушно. Но почему госпожа, решив приласкать Фу Синьи, приказала привести и её?